

Мечь nostos: о значении места в исследованиях ностальгии

DOI: 10.19181/inter.2021.13.2.3

Ссылка для цитирования:

Старовойтенко А. Д. Мечь nostos: о значении места в исследованиях ностальгии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 2. С. 41–53. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.3>

For citation:

Starovoytenko A. D. (2021) The Revenge of Nostos: On Place in Nostalgia Studies. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 2. P. 41–53. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.3>



Старовойтенко Андрей Дмитриевич

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: astarovojtenko@hse.ru

Ностальгия рассматривается социальными и гуманитарными науками как эмоция, ориентированная на прошлое, и продукт миропонимания эпохи модерна. Однако в условиях «всемирного торжества памяти» и консьюмеристской колонизации прошлого взгляд на ностальгию через привычную призму современной темпоральности уже не дает достаточно эффективных инструментов для понимания и объяснения этого комплекса переживаний. В настоящей статье предпринимается попытка критики время-ориентированной ностальгии посредством обращения к метафоре места. Чувствительность к локальности в изучении ностальгии — возможность более понимающего и менее редуционистского взгляда на это захватывающее и сложное явление.

Ключевые слова: ностальгия; память; место; локальность; ретромания; прошлое; настоящее

Ангел истории: ностальгия как продукт современной телеологии

На протяжении последних 100 лет ностальгия, перешедшая в конце XIX века из ведомства медицины в поле внимания культурологии, рассматривается как эмоция, ориентированная на *прошлое*. В классической монографии «Будущее

ностальгии» Светлана Бойм пишет: «На первый взгляд, ностальгия — это тоска по определенному месту, но на самом деле это тоска по другим временам — по времени нашего детства, по медленным ритмам наших мечтаний» [Бойм, 2019: 18]. В другой классической работе, “Yearning for Yesterday”, Фред Дэвис, закладывая фундамент для дальнейших теоретических построений, замечает: «Если и есть нечто, в чем сходятся все [исследователи] <...>, так это то, что материалом ностальгического опыта служит прошлое» [Davis, 1979: 8].

Этимология слова «ностальгия» и история понятия достаточно хорошо изучены [Абрамов, 2012; Starobinski, Kemp, 1966; Davis, 1979], и представляется излишним их повторять в полном объеме. В контексте настоящей работы необходимо остановиться на важнейшем повороте в понимании термина, постепенно происходившем на протяжении XIX века в медицине, философии и литературе и окончательно оформившемся в начале-середине XX века в социальных и гуманитарных науках. Если в понимании западноевропейского врача XVII–XVIII веков ностальгия означала тяжелое заболевание, связанное с оторванностью от роддома², то для социолога, культуролога и исследователя когнитивных наук XXI века это «в высшей степени социальная, амбивалентная, но преимущественно позитивная эмоция, <...> [касающаяся] значимых событий [индивидуального или коллективного] прошлого» [van Dijke et al., 2019: 47].

Пользуясь термином из акторно-сетевой теории, *перевод*, осуществленный социальными и гуманитарными науками с ностальгией, затронул не только физиологию и психиатрию, но также — более неожиданно — географию. Как отмечает в своей монографии “Geography of Nostalgia” Элистер Боннетт, понятие ностальгии появилось как характеристика «географического состояния» [Bonnett, 2015: 2]. На протяжении всей своей истории как заболевания ностальгия и география шли рука об руку. В XVII–XVIII вв. ностальгия повсеместно называлась «швейцарской болезнью», в XIX веке о ней говорили как о “maladie des français”. История французского, британского и американского колониализма пестрит дневниковыми записями, сообщающими о «ностальгических» коллективных самоубийствах африканских рабов, насильно перемещенных на чуждые земли [Dodman, 2017: 149–171]. К началу XX века географические коннотации исчезают из поля зрения исследователей ностальгии так же, как и интерес со стороны медицинского сообщества¹.

Смещение акцента с пространственного на темпоральное измерение ностальгии свидетельствует не только о предположительном понижении статуса географии как научной дисциплины в начале XX века (пик первой волны глобализации), но в первую очередь о тектоническом сдвиге в понимании времени, происходившем на протяжении последних двух с половиной столетий [Bonnett, 2015]. По этому поводу Дэвид Лоуэнталь в книге «Прошлое — чужая страна» отмечает: «...только в конце XIX в. европейцы начали понимать, что прошлое — это другой мир, даже не чужая страна, но целое скопление чужих

¹ Последнее упоминание ностальгии как болезни датировано 1884 годом [Dodman, 2017: 172–190].



стран, которые населены уникальными историями и персонажами» [Лоуэнталь, 2004]. Современное представление о времени, линейном и необратимом, говорит нам о том, что между прошлым и настоящим навсегда пролегла бездна, которую мы не можем преодолеть. «Швейцария» ностальгирующего солдата уже не такова, какой он вспоминает ее в своей тоске — и никогда не будет прежней. В сущности, никогда и не было «той» Швейцарии, она существует лишь в воображении тоскующего. В такой перспективе географические референции играют малозначимую роль, служа разве что декорациями для разыгрывающейся трагедии неумолимого хода времени.



Рисунок 1. Пауль Клее. Angelus Novus. Лицензия [CC BY-SA 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0/).

Вероятно, первыми ностальгический дух времени почувствовали художники и поэты XIX века. Светлана Бойм приводит стихотворение Шарля Бодлера «Прохожей» из книги «Цветы зла» как пример поиска совпадения в нужное время и в нужном месте для взаимного переживания мгновения счастья: «Для Бодлера шанс на достижение счастья открывается в мгновение ока, а остальная часть стихотворения — это ностальгия по тому, что могло бы быть...» [Бойм, 2019: 62–65]. «Момент счастья» для лирического субъекта стихотворения Бодлера — совпадение, которое могло бы случиться, но не случается — вернее же, осознание этого момента и радость его узнавания случаются слишком поздно, когда возможность совместного настоящего

уже утеряна и время уносит каждого своим путем. Заключительные строки оставляют героя потерянным и ностальгически вопрошающим — кого? — о возможности новой встречи.

Метафора уносящего времени присутствует в другом знаковом произведении модерна, многократно комментированном философами и социологами. Картина Пауля Клее *Angelus Novus* (1920) изображает существо, повернутое к зрителю одновременно и лицом, и спиной (см. Рис. 1). Уже название картины сообщает нам о том, что в фигуре нового ангела мы не найдем ни единства земного и божественного, как в раннехристианских изображениях, ни «симфонии» античных и средневековых элементов, присущих изображениям ангелов в начале 2-го тысячелетия. Новый ангел — ангел эпохи модерна — разорванное существо (даже его лик словно нагромождение лоскутов); движение корпуса, изгиб крыльев и взгляд ангела направлены в разные стороны, так, что неясно, куда он летит и куда желает лететь. Схваченная Клее парадоксальность движения позволила дать картине диаметрально противоположные интерпретации. Вальтер Беньямин, комментирующий картину в «Тезисах о философии истории», видит в ней повернутого вспять «ангела истории», наблюдающего за крушением современного прогресса, но не способного вернуть разрушенному миру единство и связность, коль скоро шквальный ветер, дующий из рая, уносит его в будущее. Зигмунт Бауман в своей последней книге «Ретротопия» вкладывает в интерпретацию картины противоположный смысл: его «ангел ретротопии» пятится назад в прошлое, взирая на ужасающую картину будущего, полного тревоги и неопределенности [Старовойтенко, 2019: 131].

Несмотря на кажущуюся противоположность трактовок Беньямина и Баумана, одна продолжает другую; они информированы одинаковой логикой. Ангел истории Беньямина еще находится внутри потока современного времени, наблюдая за громоздящимися руинами. Для ангела Баумана будущее уже развернулось перед ним в своей ужасающей очевидности, и он пытается укрыться в прошлом, подобно страусу, спрятавшему голову в песок. Первый взирает на неведающее человечество, слепо готовящее себе гибель; второе и есть человечество, осознавшее катастрофичность своих решений. Оба находятся в мертвой хватке Времени, которое рано или поздно донесет их до Конца, страшного и желанного.

Если новый ангел Клее способен испытывать ностальгию, его тоска — в его взгляде. Тоскует ли ангел по разорванному единству прошлого и настоящего, или по не свершившемуся обещанию светлого будущего, в сущности, неважно: чувство непоправимой утраты — вот его удел.

Всемирное торжество памяти и время как дырявое решето

Социологическое обоснование условий возникновения ностальгических переживаний в общих чертах изложено в работе М. Чейз и К. Шоу «Измерения ностальгии» и сводится к трем элементам: темпоральному (взгляд на время



как на линейный процесс); оценочному (ощущение «неправильности» настоящего, контрастирующее со светлым образом прошлого) и материальному (наличие материальных артефактов, сообразных с ожиданиями ностальгирующих) [Shaw, Chase, 1989: 1–18]. Предложенная классификация как нельзя лучше отражает разрыв с пространственно-ориентированным пониманием ностальгии. *Nostos*¹ играет здесь роль своего рода фигуры умолчания²: хотя очевидно, что «нет [такого объекта], представляющего интерес для социологов, который находился бы нигде» [Casey, 1993], *места* в построениях авторов ему не находится.

Возможно, ностальгию принято определять через темпоральную метафору прежде всего потому, что ностальгию по эпохе проще анализировать [Bonnett, 2015: 6]. Кажется, что в качестве аналитической категории время удобно «разрезать» на прошлое и настоящее и выделить в нем нужные исследователю эпохи, место же плохо поддается категоризации и дифференциации. В оптике исследований ностальгии время представляется монолитным и непрерывным³, место — случайным и контингентным.

Но даже у времени нет иммунитета от реинтерпретации. В статье «Всемирное торжество памяти» историк Пьер Нора дает обоснование «заката» исторического времени. На протяжении Нового времени представления о будущем конструировались в рамках трех интерпретационных моделей: реставрация прошлого, прогресс и революция. Сегодня ввиду ускорения истории от этих моделей отказались. Образовавшийся интерпретативный вакуум ведет к абсолютной неопределенности относительно будущего: в сущности, мы больше не знаем, как представлять будущее, и, следовательно, не знаем, чего от него ждать. В свою очередь, это, по мнению Нора, возлагает на нас своеобразный «долг памяти». Поскольку мы больше не знаем, что именно будущим поколениям «нужно будет знать о нас для того, чтобы разобраться в себе», мы обязаны запомнить все, что технически возможно запомнить, в надежде на то, что наши потомки найдут применение какой-то части этого массива [Нора, 2005].

За последние десятилетия Интернет превратился в архив беспрецедентных масштабов, избавленный от необходимости кассаций⁴. Возможность прямого и быстрого доступа к колоссальному массиву репрезентаций прошлого размывает границу между прошлым и настоящим. По выражению Саймона Рейнольдса, «время превратилось в дырявое решето», в котором прошлое — объект культурной колонизации [Рейнольдс, 2015]. Память становится своего рода конструктором, внутри которого можно собрать любой нарратив. «История России», «история компании Coca-Cola» и «история моей семьи» уравнины

¹ Греч.: «дом».

² В английском языке существует выражение 'elephant in the room', более удачное в данном контексте.

³ Важно уточнить, что даже когда говорят о разрывах в историческом или политическом времени, мы по-прежнему остаемся в рамках современного режима темпоральности.

⁴ В последние годы, однако, исследователи все чаще обращают внимание на вопросы онлайн-смерти, связанные с потерей онлайн-данных.

в том, что это не столько *histories*, сколько *stories*, по необходимости локальные и конструируемые в рамках какого-то из бесчисленных модусов уже не коллективной, а попросту множественной памяти. В результате всемирное торжество памяти оборачивается одновременной радикальной локализацией памяти [Ассман, 2019: 345–351].

Ностальгия — одновременно и ориентир, помогающий прокладывать курс в бездонном океане неструктурированной памяти, и цемент, схватывающий кирпичики разрозненных воспоминаний и артефактов прошлого в единый нарратив. В частности, анализируя онлайн-платформы как место цифрового воплощения ностальгии, мы видим, что их технологическая организация не только опосредует практики памятования и ностальгии, но и активно участвует в их формировании¹ (Мороз, 2020). Например, каждый пользователь YouTube не только создает собственное пространство видеопотребления, не идентичное никакому другому, но и имеет возможность активного вовлечения в коммуникацию вокруг потребляемого контента. Обратной стороной этого процесса является исчезновение общего информационного и дискурсивного поля, которое обеспечивалось телевидением за счет ограниченного количества каналов. В условиях одной-двух «кнопок» телевизора даже двум случайным людям, посмотревшим утренний выпуск новостей, будет несложно найти общий язык. Сегодня давние знакомые, решившие обсудить резонансное событие, могут вовсе не понять друг друга, если они подписаны на каналы разной политической направленности. Можно предположить, что вслед за сегментацией дискурсивного пространства, опосредованного технологиями социальных медиа, нечто похожее происходит и с практиками цифровой ностальгии, которая теперь опирается на множественные и по необходимости локальные нарративы цифровой памяти, конструируемые онлайн-сообществами.

Ностальгия по советскому — по-прежнему главный раздел российских *nostalgia studies* — сохраняет свою привлекательность для исследователей в первую очередь потому, что советское все еще предлагает модель целостного прошлого², по отношению к которому появляется возможность определения себя в настоящем³. В рамках ностальгии по советскому становится возможной ситуация, когда житель российского моногорода и преподаватель Шанинки уравнины в общем детском опыте «жевания гудрона»⁴. Ностальгия по

¹ Если телевидение не предусматривает прямого канала обратной связи, то в YouTube пользователи могут комментировать просматриваемые видео, общаться друг с другом и до определенной степени объединяться в сообщества вокруг просматриваемого и обсуждаемого контента.

² Вопрос о том, насколько «реальна» целостность советского в ностальгических переживаниях, мы вынуждены оставить за скобками. Впрочем, в данном случае это и несущественно: воображаемое единство реально в своих [ностальгических] последствиях.

³ Будрайткис И. Ностальгия, ретромания и ретротопия — в чем разница? // Фонд Егора Гайдара. URL: <http://shaninka.gaidarfund.ru/articles/3335/tab1> (дата обращения: 30.05.2021).

⁴ Гудрон — твердый асфальтоподобный продукт, остаток нефтепереработки, имеющий широкое применение в строительстве. Практика пережевывания гудрона была распространена в СССР 80-х годов среди детей и подростков школьного возраста, которые использовали его в качестве замены «дефицитной» жевательной резинки. О своем опыте «жевания гудрона» рассказывает социолог



советскому реально в той мере, в какой достаточное количество людей способны поддерживать воображенное единство этой эпохи.

Однако, если интуиции Нора и Рейнольдса верны, дает ли взгляд через призму прошлого достаточно прочное основание для объяснения возникновения ностальгических настроений? Будет ли «ностальгия по девяностым» одинакова для жителя Архангельска, 30 лет назад проходившего службу в ныне заброшенном военном городке Четвёрка на полуострове Рыбачий Мурманской области, и для москвича, сетующего на благоустройство пространства рядом со «стеной Цоя»? Можем ли мы считать, что это формы переживания утраты одного порядка, лишь на основании их отношения к определенному временному периоду? Будем ли мы способны понять движущие силы этих переживаний, апеллируя к «эпохе» и не принимая во внимание место, в котором они разворачиваются?

Место-чувствительная социология. Thomas Gieryn. A space for place in sociology

Во второй половине XX веке локальности был нанесен двойной удар. Снятие «железного занавеса», появление мобильной и интернет-связи, прозрачность границ, усложняющаяся система международной логистики, свободное и быстрое перемещение людей по всей планете подсказывали, что место более не довлеет над человеком и не ограничивает его. Массовая застройка, стандартизация инфраструктурных решений и развитие индустрии туризма поставили под вопрос аутентичность места. «Уникальность Нью-Йорка, штат Нью-Йорк, упаковывается для пересборки в Лас-Вегасе, вслед за египетскими пирамидами и Эйфелевой башней. Диснейленд — во Франции» [Gieryn, 2000: 463]. В социологии эти процессы нашли отражение в рефлексии о кризисе локальности, в частности о «фантасмагории» современного места [Giddens, 1990], «трансцендентности места» [Coleman, 1993] и городах «без места» [Variations..., 1992].

Как таковое место вовсе не чуждо социологии: самые разнообразные локации становятся местами посещения, наблюдения, экспериментирования, проведения обследований и интервью, вовлечения в сообщества. Но так ли часто места, посещаемые ими, удостоиваются более пристального внимания, чем в качестве платформы для применения объяснительного арсенала, разработанного не в этих местах и не для них? В своей статье Джирин призывает к социологии, чувствительной к месту; социологии, которая дала бы возможность месту — с его уникальной географией, материальностью, смыслами и репрезентациями, возникающими вокруг них, — говорить от себя¹.

Алексей Титков, подробнее см. Ретромания и ностальгия по советскому // Фонд Егора Гайдара. URL: <http://shaninka.gaidarfund.ru/articles/3335/tab1>, тайм-код: 22:20 (дата обращения: 30.05.2021).

¹ В качестве примера эмпирического исследования, проведенного в таком дизайне, см. [Gieryn, 2018].

Назад к Хоферу: о место-ориентированной ностальгии

В настоящее время мы имеем дело не только с «ускорением истории», но и, по-видимому, множественностью времени, протекающего неодинаково в различных местах в зависимости от социальных, экономических, политических, социокультурных, географических, а также, возможно, «бессознательных и даже психофизиологических»¹ факторов. Предположительно, взгляд на ностальгию через привычную призму современной темпоральности уже не дает достаточно эффективных инструментов для понимания и объяснения этого комплекса переживаний, возникающих в ответ на потрясения и стремительные перемены, по-разному происходящие в разных точках «аналоговой» и цифровой реальности. Тогда [ностальгическое] возвращение к истокам понятия позволит найти необходимые для этого интуиции.

Понятие ностальгии было впервые сформулировано в конце XVII века швейцарским врачом И. Хофером в его диссертации на соискание степени доктора медицины. Какие симптомы Хофер приписывал изобретенной им болезни и как именно предлагал ее лечить, относится скорее к предмету истории ностальгии. Более интересно то, что ностальгия определялась им не через призму времени и даже не в пространственных терминах, а как отношение к месту.

Хотя, как было показано выше, на определенном этапе место потеряло изначальное значение в исследованиях ностальгии, можно сказать, что оно обозначало свое незримое присутствие на протяжении всей истории изучения этого феномена. Говорим ли мы о старой Швейцарии, советском, девяностых, *belle époque* или счастливом детстве, все это в конечном счете не столько времени, сколько места во времени. Метафора места позволяет уловить ностальгическую интенцию сразу на нескольких уровнях: «место» здесь может пониматься не только как реальные локации, но и как места в онлайн-пространстве, а также как «локации во времени», которые ностальгически воображаются и «заселяются» разного рода объектами, артефактами, репрезентациями и смыслами.

Чувствительность к месту в изучении ностальгии — это предложение картировать *postos* тоскующего, исследуя его своеобычность и объясняя истоки его аутентичности. Это также внимание к местам реального мира, возможность локально говорить о себе на своем языке, измерение соотношений места желаемого и места действительного. В своей монографии 'Reclaiming Nostalgia: Longing for Nature in American Literature', посвященной ностальгическим репрезентациям в американской литературе XX века, Дженнифер Ладино пишет: «Что, если мы перестанем давать привилегию темпоральности и [вместо этого] начнем картировать ностальгию, следуя по ее расходящимся тропкам и фиксируя ее специфические траектории? Думаю, такого рода *возврат к месту [re-placing]* ностальгии придает ее объектам материальность и открывает новые возможности для осмысления

¹ Я благодарен Р.Н. Абрамову за эту интуицию.



функционирования этого явления» [Ladino, 2012]. Данный тезис поддерживается богатой литературой, посвященной разнообразным формам «потери места»: добровольным и вынужденным перемещениям [Erikson, 1967; Gans, 1962; Portes, Stepick, 1993; МакКанелл, 2016], репрезентациям «утраченной родины» в нарративах мигрантов [Kasinitz, 1992; Appadurai, 1996; Cohen, 1997], а также утрате символического значения места [de Certeau, 1984; Blu, 1996] или места как такового, как в случае бездомных, вынужденных находиться в постоянной мобильности [Dordick, 1997; Snow, Anderson, 1993; Wright, 1997].

Наконец, место-ориентированная оптика в изучении ностальгии — это в некотором роде возможность *заземления*, признание того, что и место, и *nostos* — такие, какие они есть, — имеют значение. Оптика локальности дает возможность быть более чуткими к переживанию утраты «дома» в прошедшем и желания его реконструкции в настоящем, не рассматривая их как «проявление исторического заблуждения»^{1,2}.

Ностальгия — многогранный и комплексный феномен, открытый к постоянным изменениям. Обращение к истории этого понятия показывает, что в каждую эпоху оно подвергалось переопределению в соответствии с требованиями времени. Внимание к проблематике места в ностальгии — возможность более понимающего и менее редукционистского взгляда на это захватывающее и сложное явление.

Литература

- Абрамов Р.Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 5–23.
- Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- Бойм С. Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. СПб.: Русский остров, 2004.
- Макканелл Д. Турист. Новая теория праздного класса. М.: Ад Маргинем, 2016.
- Мороз О. Цифра все помнит. О цифровой памяти и бессмертии в цифровом пространстве // ПостНаука. 2020. URL: <https://postnauka.ru/talks/155294> (дата обращения: 30.05.2021).
- Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 30.05.2021).
- Рейнольдс С. Ретромания. Поп-культура в плену собственного прошлого. М.: Белое яблоко, 2015.
- Сорокина А. Синдром политической ностальгии у российских студентов: диссертация кандидата политических наук. М., 2015.
- Старовойтенко А.Д. Между ностальгией и ретропией // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. Т. 11. № 18. С. 125–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2019.18.7>

¹ Подобная форма критики особенно характерна для исследований политической ностальгии [Бойм, 2018; Сорокина, 2015].

² Абрамов Р.Н. Музеефикация советского: историческая травма или ностальгия? // Гефтер. 2014. URL: <http://gefeter.ru/archive/11132> (дата обращения: 31.05.2021).

Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minneapolis Press, 1996.

Blu K. "Where Do You Stay at?": Homeplace and Community among the Lumbee // Senses of Place / Ed. by S. Feld, K. H. Basso. Santa Fe: School for Advanced Research Press, 1996. P. 197–227.

Blunt A. Collective Memory and Productive Nostalgia: Anglo-Indian Homemaking at McCluskieganj // Environment and Planning D: Society and Space. 2003. Vol. 21. P. 717–738. DOI: <https://doi.org/10.1068/d327>

Bonnett A. The Geography of Nostalgia: Global and Local Perspectives on Modernity and Loss. London: Routledge, 2015. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315882970>

Certeau M. de The Practice of Everyday Life. Berkeley: University of California Press, 1984.

Casey E. S. Getting Back into Place: Toward a Renewed Understanding of the Place-World. Bloomington: Indiana University Press, 1993.

Cohen R. Global Diasporas: An Introduction. Seattle: University of Washington Press, 1997. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203228920>

Coleman J. S. The Rational Reconstruction of Society // American Sociological Review. 1993. Vol. 58. P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.2307/2096213>

Davis F. Yearning for Yesterday: A Sociology of Nostalgia. New York: Free Press, 1979.

Dijke M. van et al. Nostalgia Promotes Intrinsic Motivation and Effort in the Presence of Low Interactional Justice // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2019. Vol. 150. P. 46–61. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2018.12.003>

Dodman T. What Nostalgia Was: War, Empire, and the Time of a Deadly Emotion. Chicago: University of Chicago Press, 2017. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226493138.001.0001>

Dordick G. A. Something Left to Lose: Personal Relations and Survival Among New York's Homeless. Philadelphia: Temple University Press, 1997.

Erikson K. Everything in Its Path: Destruction of Community in the Buffalo Creek Flood. New York: Simon & Shuster, 1967.

Gans H. J. Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian-Americans. New York: Free Press, 1962.

Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990.

Gieryn T. F. A Space for Place in Sociology // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26. № 1. P. 463–496. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.463>

Gieryn T. F. Fallen Columns Tell Credible Stories // Contexts. 2018. Vol. 17. № 2. P. 52–59. DOI: <https://doi.org/10.1177/1536504218784892>

Kasinitz P. Caribbean New York: Black Immigrants and the Politics of Race. Ithaca: Cornell University Press, 1992.

Ladino J. Reclaiming Nostalgia: Longing for Nature in American Literature. Charlottesville: University of Virginia Press, 2012.

MacCanell D. (2016) *Turist. Novaya teoriya prazdnogo klassa* [The Tourist. A New Theory of the Leisure Class]. Moscow: Ad Marginem, 2016. (In Russ.)

Portes A., Stepick A. City on the Edge: The Transformation of Miami. Berkeley: University of California Press, 1993.

Shaw C., Chase M. The Imagined Past: History and Nostalgia. Manchester: Manchester University Press, 1989.

Snow D., Anderson L. Down on Their Luck: A Study of Homeless Street People. Berkeley: University of California Press, 1993.

Variations on a Theme Park: The New American City and the End of Public Space / Ed. by M. Sorkin. New York: Hill & Wang, 1992.

Starobinski J., Kemp W. S. The Idea of Nostalgia // Diogenes. 1996. Vol. 14. No. 54. P. 81–103. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F039219216601405405>



Wright T. *Out of Place: Homeless Mobilizations, Subcities, and Contested Landscapes*. Albany: State University New York Press, 1997.

Сведения об авторе:

Старовойтенко Андрей Дмитриевич — аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: astarovojtenko@hse.ru. **ORCID ID:** [0000-0002-1225-1822](https://orcid.org/0000-0002-1225-1822); **ResearcherID:** [AAD-1839-2021](https://orcid.org/AAD-1839-2021).

Статья поступила в редакцию: 30.04.2021
Принята к публикации: 30.05.2021

.....
The Revenge of Nostos: On Place in Nostalgia Studies

DOI: [10.19181/inter.2021.13.2.3](https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.3)

Andrey D. Starovoytenko *HSE University, Moscow, Russia*
E-mail: astarovojtenko@hse.ru

Nostalgia is generally understood by social sciences and humanities in temporal terms [Blunt, 2003] and as modernity’s by-product. It is argued that in face of the «global triumph of memory» [Nora, 2005] and the consumerist colonization of the past, looking at nostalgia through the lens of modern temporality is no longer understanding and explaining this complex of experiences. The article is an attempt at a critique of temporal-centered nostalgia by appealing to place. Place-sensitive nostalgia studies lend an opportunity for a less reductionist view of this fascinating and complex phenomenon.

Keywords: nostalgia; memory; place; retromania; past; present

References

Abramov R. N. (2012) *Vremya i prostranstvo nostal'gii* [Time and Space of Nostalgia]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 4. P. 5–23. (In Russ.)
Appadurai A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minneapolis Press.
Assman A. (2019) *Zabvenie istorii — odezhimost' istoriej* [Forgetting history is an obsession with history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
Blu K. (1996) “Where Do You Stay at?": Homeplace and Community among the Lumbee. In: Feld S., Basso K. H. (eds.) *Senses of Place*. Santa Fe: School for Advanced Research Press. P. 197–227.
Blunt A. (2003) Collective Memory and Productive Nostalgia: Anglo-Indian Homemaking at McCluskieganj. *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 21. P. 717–738. DOI: <https://doi.org/10.1068/d327>
Bonnett A. (2015) *The Geography of Nostalgia: Global and Local Perspectives on Modernity and Loss*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315882970>

Старовойтенко Андрей Дмитриевич. Месть nostos: о значении места в исследованиях ностальгии

- Boym S. (2019) *Budushchee nostalg'ii* [The Future of Nostalgia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Casey E. S. (1993) *Getting Back into Place: Toward a Renewed Understanding of the Place-World*. Bloomington: Indiana University Press.
- Certeau M. de (1984) *The Practice of Everyday Life*. Berkeley: University of California Press.
- Cohen R. (1997) *Global Diasporas: An Introduction*. Seattle: University of Washington Press. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203228920>
- Coleman J. S. (1993) The Rational Reconstruction of Society. *American Sociological Review*. Vol. 58. P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.2307/2096213>
- Davis F. (1979) *Yearning for Yesterday: A Sociology of Nostalgia*. New York: Free Press.
- Dijke M. van et al. (2019) Nostalgia Promotes Intrinsic Motivation and Effort in the Presence of Low Interactional Justice. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 150. P. 46–61. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2018.12.003>
- Dodman T. (2017) *What Nostalgia Was: War, Empire, and the Time of a Deadly Emotion*. Chicago: University of Chicago Press. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226493138.001.0001>
- Dordick G. A. (1997) *Something Left to Lose: Personal Relations and Survival Among New York's Homeless*. Philadelphia: Temple University Press.
- Erikson K. (1967) *Everything in its Path: Destruction of Community in the Buffalo Creek Flood*. New York: Simon & Shuster.
- Gans H. J. (1962) *Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian-Americans*. New York: Free Press.
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Stanford: Stanford University Press.
- Gieryn T. F. (2000) A Space for Place in Sociology. *Annual Review of Sociology*. Vol. 26. No. 1. P. 463–496. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.463>
- Gieryn T. F. (2018) Fallen Columns Tell Credible Stories. *Contexts*. Vol. 17. No. 2. P. 52–59. DOI: <https://doi.org/10.1177/1536504218784892>
- Kasinitz P. (1992) *Caribbean New York: Black Immigrants and the Politics of Race*. Ithaca: Cornell University Press.
- Ladino J. (2012) *Reclaiming Nostalgia: Longing for Nature in American Literature*. Charlottesville: University of Virginia Press.
- Lowenthal D. (2004) *Proshloe — chuzhaya strana* [The Past Is a Foreign Country]. St. Petersburg: Russkij ostrov. (In Russ.)
- Moroz O. (2020) *Tsifra vse pomnit. O tsifrovoy pamyati i bessmertii v tsifrovom prostranstve* [The figure remembers everything. About digital memory and immortality in digital space] Postnauka. URL: <https://postnauka.ru/talks/155294> (accessed 31 May 2021). (In Russ.)
- Nora P. (2005) Vsemirnoe torzhestvo pamyati [The Global Triumph of Memory]. *Neprikosnennyj zapas* [Emergency reserve]. No. 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (accessed 31 May 2021). (In Russ.)
- Portes A., Stepick A. (1993) *City on the Edge: The Transformation of Miami*. Berkeley: University of California Press.
- Reynolds S. (2015) *Retromaniya. Pop-kul'tura v plenu sobstvennogo proshlogo* [Retromania. Pop-Culture's Addiction to Its Own Past]. Moscow: Beloe yabloko. (In Russ.)
- Shaw C., Chase M. (1989) *The Imagined Past: History and Nostalgia*. Manchester: Manchester University Press.
- Snow D., Anderson L. (1993) *Down on Their Luck: A Study of Homeless Street People*. Berkeley: University of California Press.
- Sorkin M. (ed.) (1992) *Variations on a Theme Park: The New American City and the End of Public Space*. New York: Hill & Wang.
- Sorokina A. (2015) *Sindrom politicheskoy nostalg'ii u rossijskikh studentov* [Political Nostalgia Syndrome Among Russian Students]. PhD Thesis. Moscow, 2015.



Starobinski J., Kemp W.S. (1966) The Idea of Nostalgia. *Diogenes*. Vol. 14. No. 54. P. 81–103. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F039219216601405405>

Starovoitenko A. D. (2019) Mezhdú nostalg'iej i retrotopiej [Between Nostalgia and Retrotopia]. *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 11. No. 18. P. 125–135. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2019.18.7>

Wright T. (1997) *Out of Place: Homeless Mobilizations, Subcities, and Contested Landscapes*. Albany: State University New York Press.

Author bio:

Andrey D. Starovoytenko — Graduate Student, HSE University, Moscow, Russia.

E-mail: astarovoitenko@hse.ru. **ORCID ID:** [0000-0002-1225-1822](https://orcid.org/0000-0002-1225-1822); **ResearcherID:** [AAD-1839-2021](https://pubs.acs.org/author/AAD-1839-2021).

Received: 30.04.2021

Accepted: 30.05.2021